

Моя комиссия ет. - 2001 - 27 апр. - 1 - 3

ЖЕМЧУГ ИЗ ГОРОХА В НЕВОЛЕ НЕ РАЗМНОЖАЕТСЯ

Театральный художник Алла КОЖЕНКОВА — это более трехсот спектаклей, созданных в разные годы на необъятной территории бывшего СССР. И это — особый стиль, где соединяются высокая эlegantность и яркая театральность. Недавно Коженкова была выдвинута на соискание Государственной премии России за спектакли «Служанки», «Слуги и снег», «Самоубийство влюбленных на острове небесных сетей», «Посвящение Еве». А завтра у Коженковой премьера — «Сирано де Бержерак», поставленный режиссером Владимиром Мирзоевым в Театре им. Вахтангова.

— Первый раз меня выдвинули на премию сразу после окончания института, — вспоминает Алла Коженкова. — Вместе с балетмейстером **Николаем Боярчиковым** мы поставили балет «Царь Борис» в Пермском театре оперы и балета. И вот тут случилось нечто... Мы придумали такой финал: на людей, толпящихся на сцене, опускаются колокола, и каждый человек будто превращается в язык колокола, и раздается грандиозный звон. А в буклете к спектаклю на каждой странице поместили мой рисунок, иллюстрирующий сцену из балета, и строчку Пушкина. На последней странице был изображен колокол, из которого языком «выбрасывался» Юродивый, а внизу шла надпись: «Народ безмолвствует». Как у Пушкина. Так вот, горьком партии Перми мне этот буклет зарубил. Были изъяты и уничтожены и афиши, и буклеты, а мне уже потом в Москве люди из ЦК КПСС объяснили, что народ у нас в стране строит коммунизм и не безмолвствует. Естественно, какую премию можно давать такой антисоветнице, как я, которая процитировала Пушкина? В следующий раз меня выдвинули на Госпремию уже в Узбекистане, за участие в создании ансамбля «Ялла» и укрепление дружбы между узбекским и русским народами. Эту премию я получила.

— **А денег-то дали?**

— Дали.

— **Сколько?**

— Ну я не помню. Шубу можно было купить. Но история с премиями на этом не закончилась. Поскольку недавно меня вновь на нее выдвигали за спектакль «Посвящение Еве», созданный вместе с режиссером Сергеем Яшиным и артистами Василием Лановым и Евгением Князевым. Правда, по каким-то причинам дальше выдвижения дело не пошло.

— **Почему сейчас на Госпремию вас выдвигает театр «Сатирикон»?**

— Когда-то в «Сатирикон» меня пригласил **Аркадий Исаакович Райкин**. Для меня это было полнейшей неожиданностью. Спектакль, который я делала, назывался «Мир дому твоему». Причем у Райкина впервые были декорации. Аркадий Исаакович говорил: «Я не понимаю, как это — декорации? У меня всегда лавка, дерево и кепка. И этого достаточно, чтобы сыграть все что угодно». На сцене я полностью воспроизвела квартиру Райкина, а сам спектакль Аркадий Исаакович играл до самой смерти. Потом я делала в «Сатириконе» «Служанок» **Романа Виктюка**, затем долго здесь не работала, а совсем

недавно выпустила с режиссером **Еленой Нежевиной** спектакль «Слуги и снег» по пьесе Айрис Мердок. Сейчас вместе с Константином Райкиным готовлю «Шантеклера» Ростана, где делаю костюмы.

— **А за какие спектакли вы бы сами себе дали премию?**

— За «Амадея» во МХАТе, который идет восемнадцать лет с неизменным аншлагом, за оперу «Обручение в монастыре», которую я делала с **Валерием Гергиевым** и **Владиславом Пази** в Мариинском театре, радостный, праздничный, карнавалыный спектакль. И, конечно, за «Служанок» и «М. Баттерфляй», которые создала с Виктюком.

— **Скажите, есть ли какие-то тайны создания театрального костюма, когда вдруг из обычной тряпки рождается драгоценная парча?**

— Мне кажется, поговорка «Голь на выдумки хитра» — это о русских художниках. У нас потрясающие мастера. Есть в Петербурге одна женщина, которая руками расписывает кружева по тюлю. Любой формы, любого вида. Я могу ей показать портрет Людовика XIV, где он весь в кружевах, и она мне точно скопирует их так, что вы и под микроскопом не отличите копию от оригинала. Как-то в одном спектакле мне необходимы были 12 костюмов разного цвета, но одной тематической росписи. Такую ткань найти нереально, а она мне ее сделала из обычной обивочной ткани.

Когда я еще училась в Петербурге, проходила практику в мастерских Мариинского театра. Это особый мир. Что там творили мастера, какие чудеса они создавали из ничего, из опилок, из засохших цветов! В Музее МХАТа хранится костюм Ивана Грозного, весь расшитый «жемчугом», сделанным из гороха. Представляете, каждую горошину брали, расписывали вручную под жемчуг и пришивали. Костюмы к спектаклю «Амадей» шились из ткани, которая осталась от коллекции отца Константина Станиславского. На некоторых тканях на кромке вышито: «Шила серебром монахиня Ефросинья». Я когда была недавно на «Амадее» и увидела камзол Моцарта, в котором играет Сергей Безруков, то поразились — он весь штопанный-перештопанный. И я говорю Безрукову: «Давайте я вам новый сделаю». А он мне: «Я не могу с ним расстаться». Потому что эти костюмы пронизаны человеческим теплом и любовью. Это рукотворная работа. А сейчас я делаю костюмы для «Шантеклера», и там в одном эпизоде животные одеты, как люди. На них черные платья и черные шляпы, украшенные белыми яйцами разного размера. Эти яйца выполнены из какого-то материала, который я и не помню, как называется, а покрываются они краской суперсупергершн. А как было раньше? Варили рыбий клей, который жутко вонял, потом его перемешивали с водой, что-то добавляли, немножко взбалтывали, и получалась... красота.

— **Вас иногда не посещает желание поставить спектакль как режиссер?**

— Никогда в жизни. Я узкий специалист и очень уважаю режиссерскую и актерскую профессии. Хотя Руссо однажды и сказал: «Как жаль, что у меня так мало времени, а то бы я закончил все полотна Сезанна». Но у меня никогда не было желания закончить полотна Сезанна или самой поставить спектакль.

— **Неужели и артистам никаких советов по секрету от режиссера не даете?**

— Нет. Единственное, что делаю, это провожу с ними сеансы психотерапии. Я им говорю, что все они сладкие киски и невозможные красавцы. Может быть; это происходит из-за того, что я сама не могу ни размножаться в неволе, ни творить в ссоре. Есть художники, которые борются и в борьбе создают, скажем, шедевры. Я же могу создавать только в любви. Мне часто говорят, какие у меня хорошие костюмы в «Служанках». Да их там нет, какие костюмы? Одно платье, одна шуба и четыре юбки. Все. Просто это такой спектакль, где работает каждый шаг, каждая строчка, каждый кусок ткани. И все вместе рождает чудо спектакля. А в другом будут и костюмы великолепные, и декорации роскошные, но ничего не произойдет. Потому что нет взаимопонимания и любви.

— **А пьесу написать не хочется?**

— Нет.

— **Да что же это такое, что ни спросишь, все не хочется.**

— Некогда, да потом все уже написано. Но мечтаю создать балет на собственное либретто. У меня уже есть несколько идей, которые ждут своего часа и своего балетмейстера. Что же касается драматического театра, то в ближайшее время это «Шантеклер» в «Сатириконе».

Владимир КОТЫХОВ.

158